

Третье Главное управление
Министерства здравоохранения СССР
У-2617 «С»
от 27.06.1986 г.

Засекретить сводку об аварии на Чернобыльской АЭС.
Засекретить сводку о результатах лечения.

Засекретить сводку о степени радиоактивного поражения персонала, который принимал участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС.

Нач. III Главного управления МЗ СССР
ШУЛЬЖЕНКО.

Судить бы этого Шульженко!

При народе, на площади — как закоренелого преступника. Чтобы другим неповадно было. Ишь, чего захотелось вам, люди-горемыки! Забудьте о том, руки у вас коротки. На страже чиновника, оберегая его благополучие и чин, государство поставило закон — стену китайскую воздвигло. Даже не так: Шульженко надежно защищает наше беспробудное беззаконие. Должны знать, что в «самой передовой стране» (об этом десятилетиями пели взрослые, а пионеры до хрипоты в голосе надрылись в строю: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...») нет статьи, которая карала бы начальника любого ранга за обман народа. За злостное и сознательное утаивание социальной, радиационной или иной экологической беды.

Нет статьи — и баста! А радиации — бог ты мой!

Бродом ее не перейти, волоком не выволочь. На наши земли столько обрушилось горячих выбросов из реактора, что мы обскакали ближние и заморские края. Стояли во главе по репрессиям против родного народа, голодного мора своих несчастных соотечественников — отныне держим в руках еще одну печальную булаву: атомную трагедию века. В кошмарные для Хиросимы дни — после взрыва американской бомбы — выпало семьсот сорок граммов радиоактивных веществ. Чернобыль

Д а м о к л о в м е ч

изверг на головы людей в девяносто раз больше — шестьдесят три килограмма!

Безмерно тяжкий вред нанес приказ Шульженко. Сотни, тысячи людей, не догадываясь об истинной амплитуде атомной разрухи, жили по законам мирного времени — и заплатились здоровьем за свою темноту.

Но... в том, что Шульженко подписал распоряжение, — не вся правда. Мы хорошо знаем, что наши министерства — эти кукольные театры, вмонтированные в бюрократическую иерархию общества, — не способны на самостоятельные шаги. Министерского чиновника дергают за проволоочки верхи.

Так и живем! В полумраке, в темени полуправды или полувранья. Знать что-то нам полудозволено и полупрещено. Сама доза знания решена за нас и без нас. Низы должны знать только то, что надлежит знать по их подневольному статусу. Но не больше!

Напомним, когда вершился процесс над верхушкой Чернобыльской атомной, в отдельное судопроизводство было вынесено три дела: против тех, кто проектировал калеки-реакторы; кто управлял ядерной энергетикой в стране; кто не предпринял незамедлительных государственных мер для защиты и эвакуации населения.

Вы где-нибудь читали об этих рекламированных судах? Кого-нибудь призвали к ответу? Черта лысого! Вместо этого судили периферийных исполнителей, стрелочников, покорных роботов. А тех, кто наверху, — дудки!

Предоставим «трибуну» ученому Евгению Корбцекому из Института ядерных исследований АН УССР. Для нашего разговора мнение специалиста будет очень много значить.

— Кризис доверия к науке, ведомствам, медицине, — подчеркивает Е. Корбцкий, — назревал давно. Вот что свидетельствует доцент Высшей юридической школы МВД СССР Борис Куркин: «Когда в критические дни в начале мая 1986 года в сто раз увеличился радиационный фон в воде Киевского моря, министерство здравоохранения и водного хозяйства, Государственный комитет гидрометеорологии СССР сразу же повысили в сто раз нормы максимально допустимой концентрации и заявили, что все соответствует нормам и оснований для тревоги нет..»

Какие основания, какая тревога! Все у нас благочинно и раболопно. В обществе, в природе, на суше и на море. После чернобыльской тризны плутония с цезием сладко цветет месяц май; густо-густо засеялась зелень, подстегнутая в рост реакторным пеплом; соловей «в лесу» щебечет, долю свою радиационную прославляя. Заинтересованные ведомства — эти хищные акулы, выпестованные и выложенные на икре застоя, — не умолкают, с утра до ночи на лицемерной дудке играют: все безобидно, благоприятно. Все можно есть, пить. Ягоды, грибы, мясо, молоко... Шарлатанской игрой на сладкоречивой дудке ублаживают мысль, искореняют сомнения, глушат хрупкие побеги социального недовольства. Всеми правда-

радиации

ми и неправдами засекают истину. Не останавливается огромная всегосударственная игра-качель: аппарат, почти не маскируясь, одурманивает народ. Продолжается азартная игра в подкидного дурака, в которой функционер выигрывает семьдесят с лишним лет подряда, потому что у него крапленая карта.

Это только провозглашается лицемерно, будто мы в одной лодке сидим. Плыть, конечно, в какую-то неизвестность народ плывет, но ведь у руля ведомства и вожди. У них компас, карты навигационные, лопья на руках. А куда они дорулят — в гавань уютную или на рифы посадят, — никто не знает и нет голоса спросить. Добрались благополучно до берега — ура ведомству! Какое оно мудрое и прозорливое! Ум, честь, совесть наша. Напоролись на подводные скалы — виновных нет.

Директор Народической средней школы Дмитрий Иванович Козинский говорит с отчаяньем:

— Дети вялые, нет в глазах блеска, старческое равнодушие ко всему. Выстроим «на линейку», а они чувств лишаются. Более пятидесяти наших учеников лечились в Институте радиологии. Три года подряд киевские врачи берут у детей Народической школы кровь на анализ. Что показывают эти анализы — никто не знает. Ни учителя, ни родители. Какие-то ворожеи, а не врачи. Тайна за семью замками.

Ого, грозной булавой возносится черная рука Шульженко! И приказ черный возносится. Он убивает челове-

ческое милосердие, доброту, мораль.

Такая она страшная — правда. Но руководитель детского отделения радиационного риска Всесоюзного научного центра радиационной медицины АМН СССР профессор Е. Степанова, надышавшись ядовитыми парами тайных директив, упрямо гребет против течения:

— Хочу сказать со всей ответственностью: пока что никаких больших отклонений в состоянии здоровья обследованных детей не обнаружено.

Вице-президент АМН СССР, председатель Национального комитета по радиационной защите Л. Ильин со своими подчиненными установили возможные параметры радиации. Они утверждают: за свою жизнь человек «имеет право» набрать 35 бэр. А что выше — это от лукавого. Опасно для здоровья. Расчеты просты, вроде таблицы умножения. Средний возраст человека — семьдесят. Следовательно, набирай себе «с чистой совестью» по полбэра в год. Президент Белорусской Академии наук В. Платонов «со товарищи» резко выступили против этих постулатов и предложили свою модель. Если Л. Ильин растягивает радиоактивную дозу на весь возраст человека, то В. Платонов заходит совсем с другой стороны. Он настаивает: люди не должны жить там, где нельзя вырастить чистые продукты, где введены жесткие ограничения, где все видят отклонения от нормы. Если сжато, то: теорию Л. Ильина можно назвать машинизированной, рассчитанной на роботов, а позицию В. Платонова — гуманистической, согретой собственным сердцем.

Все дороги ведут в Рим. Все разговоры сводятся к радиации.

Когда у людей горе, а их обходят стороной, — появляется вера в чудеса. Эта хрупкая надежда и разуверенность одновременно порождает бесчисленное множество домыслов, слухов. Да еще комиссии! Из Москвы, Киева, Житомира: медики, физики, биологи, химики, начальство разного полета. Журналисты из Японии, Амери-

ки, Испании... Комиссии — будто злым корнем опоенные — говорят совершенно противоположное. У каждого свой бог и своя молитва. Скажем, И. Лихтарев — заведующий отделом Всесоюзного центра радиационной медицины АМН СССР — обнародовал свои результаты о том, что в зоне между Народичами и селом Рудня-Осошня годовая доза внешнего гамма-облучения составляет от 0,06 до 0,27 бэра. А районная газета «Жовтневі зорі» печатает данные штаба гражданской обороны в Народичах, где черным по белому написано: гамма-фон воздуха в десять раз выше «лихтаревского».

Текст выступления Наталии Сыч на партконференции райком отправил союзному министру здравоохранения Е. Чазову. Тот заученно нажал на кнопку (как от мухи отмахнулся) — и уже профессор А. Пятак из известного нам радиационного центра организывает чиновничью отписку. Сам не спешит в Народичи, не дай бог! Хотя для специалиста искалеченное атомом Полесье — незаменимое поле для опытов, анализа, для свершения научного подвига. Нет, А. Пятак самоотверженно, как Геракл, вступает в гигантскую бумажную битву, которая четвертый год длится между согнутыми в бараний рог полещуками и радиационной медициной. Ученый с высокими эполетами не удовлетворил ни одного вопроса. В словах медсестры Сыч крик души — а здесь глухое сукно кабинета. Из Народичей боль и слезы — из медицинского центра бумажная пурга, горы словоблудия:

«Что касается грибов и ягод, то заканчивается составление карт их радиоактивности на всей территории УССР»... Три года сушеные грибы из запорошенных цезием лесов развозят по стране. Деньги дерут — а правду о радионуклидах душат. Три года ученая медицина вымучивала карты. Вымучивала так вяло, будто она волами ездит. А если грибы смертельны для человека?

А дальше у ученого Пятака пошло-поехало: «По дан-

[Окончание на 4-й стр.]

Дамоклов меч радиации

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

ным комплексных осмотров, заболеваний, связанных с влиянием радиации, не обнаружено. Частота и структура выявленных у детей района заболеваний практически не отличается от показателей по УССР в целом»...

Так самоуверенно пишет медицинское светило. Что ему эти слезы, жгучие человеческие на черномыльском ветру! Трагедия детей и иступленное отчаяние родителей.

А теперь послушаем офицера милиции из Народичей:

— Моей дочери пять лет. Но без помощи она не встанет с кровати. Кости у ребенка поражены цезием. Каждое утро с женой мы растираем детские ноги, пока она не встанет с постели. Что ее ждет дальше?.. Просился в другой район, не отпускают. Да и кто отпустит! Сюда же никто не хочет ехать. Народичей боятся, как огня. Райком партии тоже не снимает с учета... — он помолчал, помрачнел: — Ну, подрастет ребенок. Как ему жить?

Вот такая человеческая драма разыгрывается. А ученый профессор, как школьник-недоучка, знай себе, бормочет: «По данным комплексных осмотров, заболеваний, связанных с влиянием радиации, не обнаружено...»

«Достоверной информации о рождении ненормальных телят и поросят в Народичском районе центр не имеет...». Люди-профессора, за что вы зарплату получаете? Да о животных-мутантах пишет местная, республиканская, союзная печать. Снимки восьминогих жеребят, поросят-выродков обошли газетные полосы мира. Документаль-

ный фильм о народичских фермах смотрят тысячи людей. А здесь оказывается, что «центр не имеет информации».

В июне прошлого года Народичи принимали представителя МАГАТЭ, члена Международного Комитета радиационной защиты, руководителя атомной безопасности Франции профессора Сорбонны Пелерена.

Вместе со «свитой» высокого гостя мы ездили по Народичам, наблюдали, как меряют радиоактивный фон, слушали скупые комментарии ученого из Сорбонны, были на встрече народичан с Пелереном.

— Во Франции, — сказал он, — здоровье человека дороже энергии, которую вырабатывают атомные станции. У нас министр здравоохранения наделен правом вето. Он может закрыть любую АЭС, если появится малейшее подозрение в ее надежности. Во Франции это единственный министр с такими правами.

В мае прошлого года на Пленуме ЦК Компартии Украинаны с болью говорила ткачиха Житомирского льнокомбината В. Венгловская:

— ...Слушала я эти откровения, а вспоминала выступления по Республиканскому телевидению сразу после аварии министра здравоохранения республики т. Романенко. Говорил он о том, что нечего бояться последствий радиации, все пройдет, все минет. Потом появилось спасительное словечко — радиофобия, психологическая боязнь несуществующей радиации..

Должна бы была пресса вступить за Народичи. Но ведь союзное Атомэнерго приняло на себя чисто жандармские функции бывшего достопамятного III отделения: о Чернобыле и всей катавасии вокруг него — ни звука! Не смей! Опечатать и засекретить.

Но климат стал меняться. Тронутся лед рек рабского молчания. Сквозь стены застоя пробивались побеги народного протеста.

Под натиском материнских и детских слез чиновничья плотина стала трещать. И диво-дивное! В газетах напечатано сообщение Чрезвычайной комиссии при Совете Министров СССР по ликвидации последствий аварий, катастроф и стихийных явлений:

«Несмотря на принятые меры по нормализации радиационной обстановки в зоне, прилегающей к Чернобыльской АЭС, в отдельных селах она до сих пор остается сложной. В этой связи Совет Министров УССР постановил отселить в 1989—1992 годах жителей 14 населенных пунктов: Шевченково и Ясен — Полесского района на Киевщине; Большие и Малые Клеци, Звиздаль, Малые Миньки, Ноздрище, Перемога, Полесское, Рудня-Осошня, Старое Шарное, Хрипля, Хрестиновка и Шишеловка — Народичского района Житомирской области».

«В течение более чем трех лет, — пишет газета «Радянська Україна», — для жителей северных районов Житомирщины опасный уровень радиации — повседневная реальность. По сути, уже более трех лет продолжается эксперимент на испытание человеческого организма. Цезиевые пятна — «заминированные куски» земли, которые угрожают и десятки лет будут угрожать здоровью людей».

Кто (не вообще, а конкретно) ответит за содеянное?

Степан КОЛЕСНИК,
Перевод Тамары Сахновской.

(Полностью статья печатается в газете «Літературна Україна»).